

БОБРУЙСК FOREVER

ПРОЗА БОРИСА ШАПИРО-ТУЛИНА

БОРИС ШАПИРО • ТУЛИН

История одной
Большой любви,

ИЛИ
БОБРУЙСК FOREVER

Москва
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш23

Иллюстрация на переплете – *Алексей Жижига*

Иллюстрации в тексте – *Михаил Соркин*

Шапиро-Тулин, Борис.

Ш23 История одной большой любви, или Бобруйск forever : [сборник рассказов и повестей] / Борис Шапиро-Тулин. – Москва: Издательство «Э», 2016. – 224 с. – (Бобруйск forever. Проза Бориса Шапиро-Тулина).

ISBN 978-5-699-83265-1

Когда-то давно маленький Семен Маркович не любил воскресенья – и не любил он их из-за того, что по выходным два раза в месяц мама водила его в баню. Называлось это – банный день. Мама будила его ранним утром, и они шли к длинному приземистому зданию, у которого окна были покрашены белой масляной краской... Маленький Семен Маркович не понимал только одного – почему его не купали дома. Ведь висела же на стене кладовки ванночка из оцинкованной жести, в которую он в то время мог легко уместиться... Все эти воспоминания остались там, далеко, в городе его детства, откуда пришла в его жизнь Большая Любовь.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

- © Шапиро-Тулин Б., текст, 2016
- © Соркин М., иллюстрации в тексте, 2016
- © Жижига А., иллюстрация на переплете, 2016
- © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-83265-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

«При слове «Бобруйск» собрание болезненно застонало. Все соглашались ехать в Бобруйск хоть сейчас». Это цитата из романа «Золотой теленок». Видимо, Ильф и Петров знали нечто такое о тайных сторонах жизни вождя Бобруйска, что не зря упомянули его, описывая собрание блудных «детей лейтенанта Шмидта».

Сегодня благодаря героям книги «История одной большой любви, или Бобруйск forever» у нас появилась уникальная возможность приоткрыть таинственную завесу и оказаться в самой сердцевине страстей, переживаемых жителями этого, как бы помягче сказать, непростого города. Недаром автор книги Борис Шапиро-Тулин однажды с иронией заметил, что, согласно версии местных обывателей, люди произошли от Адама и Евы с одной существенной поправкой: вначале от этой парочки произошли исключительно будущие жители Бобруйска, а потом уже все остальное население Земли. Может быть, поэтому каждый вновь появившийся на свет бобруйчанин твердо убежден, что большинство мировых знаменитостей каким-то мисти-

ческим образом прямо или косвенно связаны с его родным городом.

Не знаю, как насчет всех знаменитостей, но замечательный писатель Шолом-Алейхем точно побывал в Бобруйске, где основательно испачкал обувь, пробираясь через легендарное болото на центральной улице, зато, по его словам, обрел место в загробном мире, которое обещала ему одна юная почитательница в знак благодарности за то, что без билета он провел ее на свой литературный вечер.

Заманчиво предположить, что, побродив по бобруйским закоулкам и насмотревшись на колоритные картинки местной жизни, именно здесь Шолом-Алейхем произнес свою крылатую фразу: «Каждый человек может быть писателем, тем более еврейским. Бери перо и пиши!»

Борис Шапи́ро-Тулин последовал совету своего великого предшественника — взял перо и написал. Написал, мастерски воссоздав атмосферу неиссякаемого «исторического оптимизма», царящего в городе, который кратко можно определить как «смех сквозь слезы».

Уверен, что читателя, открывшего книгу «История одной большой любви, или Бобруйск forever», ждет увлекательное погружение в то не так уж далеко отстоящее от нас прошлое, куда погрузиться без точно выверенной авторской навигации было бы непростительной ошибкой.

Геннадий Хазанов

*Моей любимой,
без которой не было бы
этой книги*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Бобруйск — это не только ставни, заборы, столбы, антенны на крышах, асфальт и булыжник, не только заводские корпуса и чадящие автомобили, не только клекот голубей, гудки паровозов, нежные слова и проклятия, музыка из окон ресторана и тишина по утрам в воскресенье. Нет, не только.

Бобруйск — это больше, чем сгрудившиеся дома, облезшие обои, затемненные спальни, тикающие часы и хлопанье выстиранного белья на ветру. Бобруйск — это еще и заросли жасмина по берегам Березины, это весенние яблони и поздние цветы в палисадниках, это луга, обласканные ветром, и таинственное безмолвие в заповедной дубовой роще.

А еще Бобруйск — это безумные соловьи, оглушающие своими трелями два кладбища по обеим сторонам автомобильной дороги. Два кладбища — православное с крестами и красными звездами на обелисках и иудей-

ское с каменными надгробиями и точно такими же звездами и обелисками. А безумные соловьи весенними ночами, усевшись на кладбищенских кустах, путают жизнь со смертью и выплескивают колена мелодий, в которых живые просят покоя и забвения, а мертвые требуют покаяния и мести.

Бобруйск — это портные, сапожники, кровельщики, работяги в промасленных робах, музыканты с тонкими пальцами, торговки, подслеповатые старики, художники в мастерских, загнанных в подвалы, и, конечно, женщины. Женщины с потрясающей походкой, с загорелыми руками, с вызовом в глазах. Ах, эти женщины! Луна, повисшая над городом, дурманит их своим светом, делает влажными их губы, распускает волосы, открывает ноги, обольщает и обещает. И женщины, переполненные лунной нежностью, щедро дарят ее, дарят без остатка, дарят, растворяя в ней наше одиночество и наши страхи.

Бобруйск — это наша надежда вернуться. Вернуться туда, где нас одурманил этот город своими звуками и запахами. Где река Березина обволокла своими утренними туманами, своей тоской, своей неизбывной тягой в неведомое. И мы, поддавшись этой тоске и этой тяге, рванулись вперед, чтобы уйти, уехать, улететь, разбредиться по городам и странам, а потом вернуться в смиренном покаянии к этой реке, к ее отмелям и берегам, заросшим осокой и камышами. Вернуться к нашему городу, затеряться меж его домов и домишек, меж ночных фонарей и утренних голосов. Раствориться среди мер-

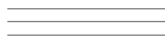
цания его окон и магазинных витрин, среди слез и любовных вскриков, среди запахов сирени, наплывающих с окраин, и среди запаха дыма, столбами поднимающегося из печных труб, и, конечно, среди его осени, среди запаха влажной земли и пожухлых листьев.

Бобруйск — это строгость прямых улиц, уходящих в бесконечность.

Бобруйск — это родина, это земля под ногами, это небо над головой.

Бобруйск — это вечное возвращение.

Подобно Иерусалиму небесному, который является копией Иерусалима земного, да, подобно ему, существует где-то в глубинах Вселенной небесный Бобруйск — точная копия города, который мы когда-то знали и в который однажды вернемся. А перед входом в этот небесный город, перед самым входом в него, перед входом, украшенным затейливым орнаментом, кто-то любовно поместил указатель: сверху его белой краской на синем фоне выведено — БОБРУЙСК НАВСЕГДА, а чуть пониже — синей краской на белом фоне — BOBRUISK FOREVER.

ФОРТЕПЬЯНО

Музыкальная школа в городе Бобруйске это вам не просто так. Более того, это совсем не просто так. И даже совсем, совсем. Музыкальная школа в Бобруйске — это туннель во времени и пространстве. Тыходишь в нее с облупившегося цементного крыльца, тянешь на себя тяжелую дубовую дверь с косо привинченной ручкой, а выходишь прямо на сцену нью-йоркского Карнеги-холла, парижской «Олимпии» или на худой конец Берлинской филармонии. И это невзирая на облупленное крыльцо и криво привинченную ручку. Какая разница, как ее привинтили, если на выходе у тебя беснующиеся от оваций залы, эвересты букетов и фотографии на обложках самых престижных журналов. За тобой гоняются корреспонденты мировых изданий, умоляют об интервью, а ты, развалившись в кресле с бокалом сухого мартини, говоришь, что всем лучшим в тебе ты обязан скромной му-

зыкальной школе в городе Бобруйске. «Where is the Bobruisk?» — переглядываются озадаченные акулы пера. И ты, обидевшись, хочешь ответить как в детстве: «Где-где, в Караганде». Но это будет неправда — в Караганде нет Бобруйска. Бобруйск там, где ты его оставил, на берегу реки Березины, около заповедной дубовой рощи и на расстоянии нескольких десятков лет между тобой теперешним, купающимся в славе, и тем робким мальчиком на цементном крыльце, стоящим перед тяжелой входной дверью, которую надо было тянуть со всей силы, потому что тугая пружина, прикрепленная по другую ее сторону, отчаянно сопротивлялась, не желая впускать тебя в скрытое за ней будущее.

Никто не может сказать, почему так произошло, но между жителями города и его музыкальной школой существовала странная, не поддающаяся осмыслению связь. Школа, если хотите, была чем-то вроде мистического центра Бобруйска, местом, которое одни вождели, желая оказаться среди счастливчиков, сумевших проникнуть за тяжелую дубовую дверь, другие же, вытянувшие заветный билет, начинали вскоре ненавидеть ее всеми фибрами своей юной души, пытаясь отсрочить или вообще от-

менять очередное и неизбежное с ней свидание. Туннель во времени и пространстве, находящийся внутри этого здания, был безжалостен к чувствам тех, кто оказался зажат между его шестеренками и колесиками. Он требовал неукоснительного подчинения своим бесчеловечным прихотям, то есть ежедневным и многочасовым упражнениям на инструменте, который судьба приготовила каждой его жертве.

Дорога к длинному серому зданию школы для одних казалась выстеленной лепестками роз, для других была полита слезами, а само здание

не раз мысленно подвергалось сокрушающему удару ураганного ветра. Этот нафантазированный ураган сминал стены, разбивал окна и возносил на воздух рояли с болтающимися, как крылья, крышками, стаи скрипок и виолончелей, вылетавших гуськом за неповоротливым контрабасом, множество флейт и кларнетов, кувыркавшихся среди облаков, и даже толстую медную тубу, которая не могла взлететь высоко и потому болталась, раскачиваясь, на макушке ближайшего телеграфного столба.

Увы, но действительность упорно перечеркивала эти вожделенные мечты и раз за разом возвращала неудавшихся заклинателей ветра туда, где вместо захватывающих дух фантазий действовали суровые законы диалектического материализма. К тому же по иронии судьбы находилась эта школа не на улице Чайковского или, скажем, Мусоргского, а стояла она на улице Карла Маркса — одного из главных радетелей самого что ни есть материального материализма.

Портрет этого бородатого радетеля в купе с портретом другого бородача — Фридриха Энгельса вывесили на видном месте напротив директорского кабинета, и я почти уверен — знаменитый анекдот про то, что Карл Маркс и Фри-

дрих Энгельс — «не муж и жена, а четыре разных человека», родился в стенах именно этой школы. Вундеркинды на то и вундеркинды, чтобы, проведя долгие часы в душных, заполненных запахом канифоли классах, вырваться наконец на волю и придумать что-нибудь этакое.

Вряд ли кто-нибудь предполагал, что после водружения соответствующих портретов для почтительного их созерцания в музыкальной школе города Бобруйска могут начаться необратимые перемены. Но суровая действительность и здесь решила расставить все по своим местам.

Началось с того, что в святая святых исполнительского искусства, где ежедневно ковалась растущая смена Рихтерам, Ойстрахам, Гилельсам и далее по списку, назначили нового директора, бывшего майора госбезопасности, незадолго до того отправленного в отставку. Решающую роль в этом назначении сыграл, видимо, тот факт, что у нового директора была вполне себе созвучная должности фамилия — Дудка, а кроме того, все свои сентенции бывший майор начинал обычно со слов: «Как говаривал римский композитор Корсаков» — и лишь после такого глубокомысленного вступления доносил до слу-

шателей очередную информацию про посещаемость, дисциплину и уровень политической подготовки вверенного ему коллектива.

Возможно, по приказу сверху, возможно, по собственной инициативе, а возможно, как утверждали недоброжелатели, вступив в сговор с мировыми знаменитостями, опасавшимися конкуренции с вундеркиндами из Бобруйска, но свою деятельность новый директор начал с того, что один за другим уволил всех педагогов с подозрительными фамилиями. Закончив эту очистительную процедуру, товарищ Дудка сразу же приступил к утверждению в школе атмосферы нового порядка, включающего благонадежность дизелов и патриотизм бемолей, а потому затеял необходимую для подобных новаций генеральную перепланировку. Он разрушил стены классных комнат, растащил по углам громоздкие рояли, приволок бидоны с краской и мешки с цементом, отчего интеллигентный запах канифоли исчез вовсе. А когда испуганные преподаватели, протерев от известкового налета круглые винтовые стульчики, усаживали на них будущих виртуозов, он незаметно подкрадывался сзади и давал ценные педагогические советы.